

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ПИЩИ

Анализируется специфика психоаналитического подхода к изучению феномена пищи. Пищевой опыт рассматривается психоанализом как опыт первичного взаимодействия человека и мира, в котором закладываются основные коммуникативные паттерны индивида. Сходство пищевого и ментального метаболизма позволяет утверждать, что специфика гастрономических практик и принятый в обществе формат культуры еды оказывают фундаментальное значение на конструирование социальной и культурной идентичности человека.

Ключевые слова: психоанализ; пища; либидо; коммуникация; ассимиляция/интроекция.

Обращение к особенностям психоаналитического анализа культуры еды вызвано как недостаточностью собственно философской концептуализации феномена пищи, так и наличием в психоанализе сформированной концепции пищевого опыта индивида в его значении для личной истории и конструирования идентичности. Психоаналитическая традиция исследования пищи как первичной формы коммуникации человека с миром представлена в работах М. Кляйн [1], Д. Франкла [2], Ф. Перлза [3]. Рассматривая ключевые работы этих исследователей, мы можем увидеть эволюцию психоаналитической традиции исследования пищевого опыта индивида – от анализа первичного пищевого опыта в отношениях мать – младенец к формированию представления о ментальном метаболизме, который имеет структурное сходство с пищевым, и, в определенном смысле, продолжает сформированные им паттерны. Типично психоаналитические и категорически фрейдистские представления, выраженные в строго психоаналитическом тезаурусе, расширяются до культурфилософского дискурса, в котором феномен пищи рассматривается как сложнейший пул коммуникаций человека и мира как Другого. Таким образом, целью данной статьи выступает концептуализация основных положений этих исследователей и обозначение эвристических возможностей психоаналитического концепта пищевого опыта для анализа деструктивных форм социокультурной реальности.

М. Кляйн, представительница традиции детского психоанализа, обнаружила, что именно отношения маленького ребенка с матерью и качество этих отношений являются главным фактором развития индивидуальности. Первым объектом, с которым взаимодействует маленький ребенок, является материнская грудь как кормящий объект, и в этом качестве она может стать *плохим* (фрустрирующим) или *хорошим* (удовлетворяющим) объектом. Дialeктика плохого – хорошего, фрустрации – удовлетворения, злого – доброго и, в конечном счете, танатоса – эроса, смерти – жизни, первично представлена в пище (молоке материнской груди), в ее способности удовлетворить или не удовлетворить голод младенца. Тем самым либо обеспечивается ценностный приоритет жизни, либо не обеспечивается, и в этом случае неизбежен запуск негативных разрушительных процессов. Безусловно, речь идет не столько о пище как физическом объекте, а о мире как Другом, представленном в пище и в удовлетворении потребностей младенца, демонстрирующем любовь к нему. Отказ в удовлетворении потребностей на таком уровне, когда положительный пищевой опыт есть залог

обеспечения онтологического единения с наличной реальностью, становится опытом разъединения, разрушения, смерти, впоследствии могущим быть направленным как вовне, так и на самого индивида. М. Кляйн впервые ввела понятие интроекции как заглатывания внешнего объекта. Так, очевидно, что первый опыт познания реальности оказывается данным на внутрителесном уровне и выступает своеобразным тестированием бытия на возможность дальнейшего существования в нем. Позже, в теории Ф. Перлза, понятие интроекции дополняется парным понятием ассимиляции: исследователь анализирует способы познания мира как конституирующие аксиологические приоритеты человека. Понятия ассимиляции/интроекции являются определяющими для описания пищевого и ментального видов метаболизма и установления их закономерного параллелизма.

Ф. Перлз и Д. Франкл сформулировали коммуникативный концепт пищевого опыта индивида как способа, согласно которому формируется идентичность и конструируется экзистенциальный выбор человека. В их работах присутствует выход от исследования индивидуальной пищевой истории и ее последствий для личностного развития к анализу возможности выбора и поддержания деструктивного формата социальной реальности. Д. Франкл делает выводы в рамках социального психоанализа, а Ф. Перлз расширяет его в своей холистической концепции, суть которой в «структурном сходстве физических и душевных процессов» [3. С. 151]. Необходимо отметить определенный эмоциональный тон в означенных работах, так как ученые являлись современниками апофеоза тяжелейших тоталитарных деструкций в форме большевизма и фашизма и стремились понять, что же в человеческой природе, за рамками ее сознательного выбора, предрасполагает к установлению и расцвету подобных форматов социальной реальности. Так, Ф. Перлз интересуется способность человека к активному принятию и усвоению идеологической пищи: выявляя жесткую взаимосвязь между пищевым и ментальным метаболизмом, он приходит к выводу о том, что способность к ассимиляции чужого в любой его форме, в том числе и качественно-количественной, и на любом уровне – материальном и духовном – носит абсолютно однотипный характер.

Д. Франкл также дает психоаналитическое описание большевизма и фашизма, обнаруживая в них скрытую регрессию к орально-садистско-каннибалистской стадии развития человечества, а также такое стремление к чистоте телесного и ментального габитуса, которое и должно постоянно поддерживаться отсечением всего

инородного (что выражается в жесткой контролирующей идеологии касательно всех жизненных стратегий, а в большевизме еще и моделированием особой культуры еды).

Разница в исследовательских позициях между Д. Франклом и Ф. Перлзом представляется очевидной: Д. Франкл завершает психоаналитическую традицию, рассмотревшую пищевой опыт полностью с точки зрения функционирования либидо: «Анализ пищевого инстинкта вряд ли когда-либо проводился в психоанализе в отрыве от какого-либо либидозного катексиса. Все концепции, связанные с функционированием пищеварительного тракта, вроде интроекции, каннибализма и дефекации, всегда имеют сексуальный оттенок» [3. С. 113]. Ф. Перлз пытается выйти за рамки такой трактовки, объясняя прежде всего нарушенные формы ментального метаболизма и его последствия как для отдельно взятого человека, так и для общества.

Так, психоаналитический концепт пищи определяет ее как первичную коммуникативную практику индивида, лежащую в основе его последующих коммуникативных паттернов. Д. Франкл и Ф. Перлз, анализируя индивидуальный пищевой генезис, также отслеживают в нем этапы становления эго в процессе коммуникации с миром как с Другим, где пища как тип коммуникации сначала является базовой и единственной, а затем присутствует как скрытый паттерн поведения в дальнейшем коммуницировании. Особенно важным представляется сформулированное психоанализом видение деструктивных способов пищевого освоения реальности, так как часто их анализ дает возможности для объяснения некоторых особенностей макросоциальных процессов – например становление тоталитарных форм власти.

Основная психоаналитическая идея состоит в том, что пищевой опыт есть пропускание через человека позитивной/негативной энергии либидо, т.е. встреча с миром как Другим в первичном акте питания пробуждает собственную либидозную энергию индивида и служит толчком его персонального развития и личностного становления. Психоанализ настаивает на том, что основополагающие конструкты взаимодействия с миром формируются у человека в раннем детстве, базируются на первичных пищевых реакциях и проецируются во все остальные формы его коммуницирования. Психоанализ открыл значение первичного опыта мира как пищи в контексте индивидуальной истории – базовая установка по отношению к миру как Другому является следствием обстоятельств грудного вскармливания, когда пища выступает заместителем изначального единства с Другим. Младенец положительно воспринимает пищу, несущую либидо первого объекта, с которым он взаимодействует в мире, – материнской груди. Через первый позитивный опыт питания устанавливается радостная прочная связь с окружающим миром: младенцу необходимо не только молоко как питание, но и чувство либидо, чувство удовольствия, получаемое с ним. Для младенца мир сводится к материнской груди, а качество материнского молока (это качество, с психоаналитической точки зрения, есть качество энергии либидо – по сути, любви, адресованной ребенку) обеспечивает начало положительного либо отрицательного функционирования либидо самого ре-

бенка. Последнее обстоятельство является залогом того, какой паттерн поведения впоследствии ляжет в основу всех остальных форм коммуницирования с реальностью, будет ли он конструктивным или деструктивным, будет ли чувство удовольствия, генетически определяемое первым пищевым опытом, вызываться проявлением инстинкта эроса (творчество, созидательная активность) либо проявлениями танатоса (агрессия, разрушение). Материнская грудь может выступать в виде двух ипостасей – хорошей и плохой. Хорошая грудь становится прототипом удовлетворяющих объектов, плохая – прототипом всего вредного и негативно-го. Поскольку пищевой опыт – это и первый опыт интроекции реальности, то различие *хорошее – плохое* становится и будущим ориентиром в выборе хороших объектов реальности для заполнения ими своего внутреннего телесного, и не только, пространства и отторжении плохих (впрочем, при определенных обстоятельствах индивид может сделать выбор и в пользу плохого объекта, удовлетворяющего его саморазрушительным тенденциям).

Классифицируя стадии в становлении пищевого опыта, Д. Франкл выделяет их всего две: губное либидо, лишенное агрессивности (на этой стадии пища просто проглатывается; активизация же этой стадии у взрослого человека приводит его к бездумному усвоению любой информации), и зубное либидо, когда пища как объект из внешнего мира обрабатывается, прежде чем стать внутренним достоянием индивида. Классификация Ф. Перлза носит более развернутый характер, включая в себя следующие этапы: пренатальная стадия (до рождения), преднатальная (стадия грудного младенца), резцовая (кусание), молярная (откусывание и пережевывание).

Такая подробная классификация, помимо того что позволяет увидеть становление эго, еще и дефинирует уровни его пищевого и информационного взаимодействия с миром. Мир не просто поглощается и обрабатывается (как у Д. Франкла), но еще и обрабатывается посредством ассимиляции (по Ф. Перлзу) – это происходит на уровне молярной стадии, когда обеспечивается максимально полное усвоение объекта, его тщательное дробление и переработка, его переход из стадии внешнего, чужого в свое, внутреннее. Только на уровне ассимиляции можно говорить о полностью сформировавшемся эго, подробно и тщательно обрабатывающим и усваивающим мир как объект.

Для успешного развития индивида необходимо, чтобы состоялось полноценное прохождение через все стадии, так как если случилась фиксация на каком-либо отдельном этапе, то далее неизбежно происходит остановка развития эго, которое вновь и вновь продуцирует этот остановившийся опыт в любых своих отношениях с миром. Например, человек, который не в состоянии подключить дентальную активность к обработке интроецируемого объекта, пищу склонен не прожевывать, а заглатывать, и, соответственно, с ментальной пищей он поступает также – заглатывает ее информативную составляющую будучи неспособным подключить и переварить ее экзистенциальное содержание.

Так, по мере развития человека, его отношения с пищей приобретают все более глубокий характер –

пища становится объектом в ходе процесса субъективации самого индивида – пища как внешний, подлежащий интроекции объект, требует более отчетливого отношения к ней, т.е. подключения зубной активности. Д. Франкл подчеркивает, что единение эго и мира осуществляется на уровне губного либидо, в то время как на последующем уровне происходит распад этой неразрывной связи – становление как сознающего себя эго, так и оформление мира как независимой объективности. Как неизбежно наступление второго этапа, так же необходим и первый – ради установления глубокого единения с реальностью.

На зубной или резцовой стадии поступающая пища уже способна обрабатываться, прежде чем быть проглоченной, – это говорит о возросшей доле самостоятельности индивида, однако это и этап возникновения агрессии, которая «...есть главным образом функция пищевого инстинкта» [3. С. 155]. Агрессия (зубы Ф. Перлз называет ее главной биологической репрезентацией) может по праву считаться важнейшей характеристикой всех форм деструктивности, и ее рождение с точки зрения психоанализа связано с недостаточностью, негодностью объекта для интроекции – интериоризации, для удовлетворения голода индивида. Очевидно, что агрессия имеет и положительное содержание – она есть необходимый качественный элемент ассимиляции, призванный справляться с чужеродностью объекта, прежде чем он будет интериоризирован. Но, занимая чрезмерное место в коммуникации, становясь ее основным содержанием, агрессия мешает нормальному диалогу с миром, подавляя его инаковость, его Друговость – именно в этом случае агрессия становится основной репрезентацией деструктивности. Необходимая степень агрессии стоит и на страже внутреннего содержания, защищая его от недостаточности или избыточности вторжения непосредственной внешней реальности, и позволяет структурировать субъективность в аутентичном только для нее русле.

Индивид стремится заставить объект стать источником насыщения, т.е. заставить объект отдать либидо, заключенное в нем, субъекту – цель такой коммуникации составляет инициирование и поддержание функционирования либидо субъекта. Д. Франкл специфицирует содержание мира в качестве объекта питания именно через либидо – развитие субъекта начинается через свободное функционирование в нем его либидо, которое пробуждается посредством взаимодействия с либидо объекта. Именно позитивный опыт щедрости мира в качестве пищи выступает залогом дальнейшего личностного роста. Негативный же опыт, когда создавался паттерн материнской груди как *плохого* объекта, нежелающего делиться энергией либидо, приводит к дентальной агрессии на объект. В этом случае у индивида формируется садистически-агрессивный сценарий коммуникации, когда человек не в состоянии свободно взаимодействовать с миром, а считает, что должен принудить его к отдающему взаимодействию насильственно – заставить мир стать пищей для себя. Как уже было отмечено, именно зубы выступают символом наглядной агрессии. Э. Канетти [4] также, рассуждая о психологии еды, отмечает, что демонстрация зубов во время совместной трапезы (еще на заре социального

генезиса) выступала показателем силы и мощи, способности защитить свое и, при надобности, отобрать чужое – для того, чтобы выжить. Ф. Перлз отмечает, что зубы демонстрируют способность человека к перемалыванию-анализу окружающего мира как на телесном, так и на ментальном уровне. Младенец лишь проглатывает то, что дает ему мир как Другой, стадия же рождения эго как появления определенного уровня самосознания предполагает контролирующую функцию зубов по отношению к миру, к его интроецируемой части. Действительно, зубы имеют возможность дробить объект, однако это дробление с последующим пережевыванием уже также есть продленная дистанция в отношении пищи и собственного голода: «...наше отношение к еде оказывает громадное влияние на разум, способность понимания сути вещей, развитие жизненной хватки и умение “вгрызаться” в насущную задачу» [3. С. 152]. Просто проглатывание вне контекста прожевывания означает, в том числе, и возможность интроекции негативного для телесности объекта – так, зубы являются не только символом агрессии, но еще и предохраняют от ассимиляции непригодного, т.е. стоят на страже у вкуса.

Однако эго формируется, именно забирая (похищая) либидозность значимого объекта – этим объясняется феномен канибализма на ранней стадии развития человечества. Б.Ф. Поршнев [5] замечает, что для первобытного человека, по-видимому, существовал запрет на потребление некоторых форм окружающего мира, который возник раньше, чем запрет на канибализм. Поедание же себе подобного выступало, как это ни парадоксально, средством вочеловечивания того существа, которое было проектом человека (но следует отметить, что проект так бы и остался лишь проектом, если бы необходимым образом не возникло табу на канибализм – оно стало возможным вместе с овладением огнем и появлением трапезы с ее специальным объединяющим и трансцендирующим значением). В этом смысле историю культуры можно назвать историей создания культурных форм и способов опосредованной интроекции/ассимиляции окружающего мира. А пока уровень осознания (восприятие и обработка мира посредством сознания) оставался низким, основная роль в восприятии и понимании окружающего мира отводилась желудку. Это верно и для онтогенеза, и для филогенеза (восприятие и младенцем, и первобытным человеком мира как пищи, от щедрости которого зависит качество жизни и вообще жизнь).

Ф. Перлз утверждает, что непрожевывание, но бездумное проглатывание характеризует человека массовой культуры – этот человек как ест пищу усредненного вкуса, пищу-симулякр, так и проглатывает все, что ему предлагают для ментального усвоения. Безусловно, то же самое можно утверждать в отношении тоталитарных форм организации социальной действительности – для поддержания соответствующей идентичности индивид вынужден проглатывать как свой пищевой паек, так и его идеологический вариант – необходимую долю политкорректной информации. Целью тоталитаризма становится символическое лишение граждан зубов, что обеспечивается как хроническим дефицитом всего того, что предметно наполняет повседневное бы-

тие, так и перманентной нехваткой продуктов питания. Атмосфера страха и взаимного подозрения способствует росту различных форм контроля и надзора друг за другом, которые выступают средством сублимации и канализации агрессии. Так, агрессия отводится от того, в адрес чего она неизбежно направляется, – от власти как от главного фрустрирующего, *плохого* объекта. Собственно, тоталитарные практики в сфере культуры еды и подразумевают, что либидозную потребность можно перенаправить в конструктивное для тоталитаризма русло. Это происходит посредством чрезвычайно аскетизации питания – хотя, правильнее будет сказать, – посредством введения дефицитарных практик в сфере питания.

Типологизируя коммуникацию с миром как с пищей, Ф. Перлз устанавливает четкое различие между двумя ее формами – ассимиляцией и интроекцией. Ассимиляция требует задействования дентальных усилий, когда ассимилируемое тестируется на вкус и соответствие приемлемому стандарту удовольствия (т.е. на то, принесет ли это пользу, послужит ли развитию и процветанию субъекта – стандартизированное в данной социокультурной ситуации представление об удовольствии обычно связано с принятым образом того, что может быть благом для человека). Интроекция же означает проглатывание предлагаемой пищи без каких-либо ассимилирующих усилий – это влечет за собой отказ от собственных ощущений, собственного удовольствия в пользу усваиваемой через пищу информации, которая может нести совершенно противоположный принцип удовольствия и характер блага. Так, человек утрачивает способность замечать границу между своим и чужим, его персональное внутреннее содержание замещается той реальностью, целями и задачами, которые в него были помещены посредством его собственной, пусть и сформированной с помощью общественного принуждения, склонности к интроецированию.

Становится очевидным, что практики тоталитарной власти в сфере культуры еды обязательно предполагают обеспечение функционирования механизма интроекции на телесном и ментальном уровне. Для этого могут быть использованы все средства: прежде всего дефицит еды, понижение традиционного культурного статуса трапезы в связи с ее обобществлением, усиление кормовой функции власти – все то, что можно наблюдать в социокультурном пространстве сталинской России 1920–1930-х гг.

Психонализ еды предполагает и постановку вопроса: как же возможно изменить *неправильное* отношение к физической и ментальной пище? Анализируемые нами авторы в своих работах не дают ответа на этот вопрос. Однако Ф. Перлз наиболее приближается к тому, чтобы обозначить перспективы такого поиска. Он вводит понятие «пищеварительной толерантности», которая обозначает способность человека принимать и переваривать интеллектуальную информацию, даже, возможно, выходящую за рамки его мировоззренческих стереотипов. Также вводится понятие «интеллектуальный желудок», обозначающее способность и возможность переварить полученную информационно-интеллектуальную пищу, причем переварить полноценным образом – чтобы она через понимание стала

достоянием индивида как целостного существа. Ф. Перлз постулирует очень важную для его концепции идею – *любая пища должна развивать, а не быть пустышкой*: «Только те, кто перемалывают свою ментальную еду очень тщательно, так что она могут ощутить ее полную ценность, могут ассимилировать и получить пользу от сложной идеи или ситуации» [3. С. 167]. Младенческий голод требует немедленного удовлетворения, затем в его отношении появляется дистанция – так заполняется пространство самоотношения человека множеством культурных форм, которые являются результатом становления эго. Однако во все эти формы коммуникации неизбежно проецируется первичный пищевой опыт: «Точно так же, как таким людям, – пишет Ф. Перлз о жадности и нетерпеливости, – не хватает терпения, чтобы как следует прожевать обычную пищу, им не хватает времени и для того, чтобы “разжевать” пищу духовную» [3. С. 148]. Исследователь постоянно подчеркивает жесткий параллелизм физиологического и ментального метаболизма, выстраивая модель взаимодействия человека с миром на основе его первичного пищевого опыта, настаивая на «...структурной идентичности телесных и душевных процессов» [3. С. 217].

Предпринятая Ф. Перлзом попытка анализа структурной идентичности пищевого и интеллектуального освоения действительности может представляться спорной, однако ее эвристический потенциал для исследований феномена пищи высок – если М. Кляйн и Д. Франкл просто рассматривали первичный телесный опыт индивида в контексте пищевого взаимодействия, то Ф. Перлз делает далеко идущие выводы о том, что этот опыт может являться определяющим для других форм коммуникации и даже предопределять жизненный выбор человека.

Так, теория ассимилированного и интроецированного авторитета является важнейшим открытием Ф. Перлза.

В инстинкте еды, «заглатывании мира» [3. С. 171] нормой, обеспечивающей качественный физический и ментальный метаболизм, Перлз считает ассимиляцию. На уровне же интроекции происходит сохранение внедренного объекта без какой-либо его обработки, что чревато разрушением человеческой субъективности в ее неповторимых личностных особенностях. Открытие Ф. Перлза, простое и одновременно очень значимое, состоит в том, что здоровый рост идентичности и забота о собственной целостности всегда предполагают критическое отношение к любому объекту из окружающего мира, молярное, достаточно агрессивное отношение к нему и, как результат, его ассимиляцию. Следует подчеркнуть, что именно агрессивное в достаточной мере, так как недостаток агрессии приводит к запуску саморазрушительных процессов, избыток же агрессии инициирует разрушительную активность в отношении окружающего мира. Поэтому достаточная степень агрессии, позволяя человеку разделять себя и мир, критично относится к разнообразным формам реальности, является и залогом его развития.

В то время как внедрение каких-либо ценностей в сознание человека, навязывание ему жестких ментальных установок с целью дальнейшего контроля – все это

происходит в контексте неизбежного формирования способности навязываемый извне авторитет не ассимилировать, а интроецировать. С этим связана особая культура еды, которая формируется в тоталитарном обществе – тогда еще на телесном уровне происходит привычка интроекции внешнего объекта в виде пищи, привычка, которая экстраполируется на остальные сферы, в том числе и на сферу сознания. В этом случае

ментальный метаболизм тоже оказывается нарушенным, и готовность индивида интроецировать мир делает его хорошим инструментом для целей тоталитарной власти. Поэтому тоталитарное общество невозможно как общество изобилия – в частности, культура еды должна носить в нем ущербный характер и сопровождаться репрессивными пищевыми практиками, что и было отмечено выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кляйн М.* Детский психоанализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. 160 с.
2. *Франкл Д.* Непознанное Я. М.: Прогресс, 1998. 245 с.
3. *Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. 368 с.
4. *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad marginem, 1997. 527 с.
5. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. 486 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 ноября 2010 г.